

Отзыв
на диссертацию
Золотухина Всеволода Валерьевича
«Немецкоязычные учения XIX века о религиозном чувстве в контексте размежевания
протестантской теологии и религиоведения»,
представленную на соискание ученой степени доктора теологии по научной
специальности 5.11.2 – Историческая теология (протестантизм)

Диссертация В.В. Золотухина посвящена актуальной теме исследования концепций религиозного чувства в немецком идеализме, либеральной протестантской теологии и в философии религии создателей религиоведения (М. Мюллера и К. Тиле).

Работа В.В. Золотухина вызывает приятное впечатление, привносит свежее дыхание в отечественный философско-теологический дискурс, написана в красивом литературном стиле.

К достоинствам исследования В.В. Золотухина относится введение в оборот отечественной науки большого количества текстов иностранных авторов (В. Де Ветте, Г. Воббермина, Г. Форбродта, М. Райшле, Ф. Толюка, Ф. Бутервека и других). Диссидент виртуозно анализирует философски и теологически нагруженные термины немецкого идеализма и либеральной протестантской теологии (*Gefühl, Erlebnis, Sinn*). В.В. Золотухин владеет как современными европейскими языками (впервые переводит работы К. Тиле с голландского языка), так и восточными (в частности, арабским). Все это делает масштаб исследования многомерным, преодолевающим европоцентристскую методологию.

Особую ценность, на наш взгляд, имеет пионерский анализ В.В. Золотухиным философии религии В. Де Ветте и теологической психологии религии Г. Воббермина.

Структура диссертации выглядит логичной, целый ряд выводов обладают научной новизной, количество источников и литературы делают положения работы в достаточной степени фундированными. Автор впервые в отечественной философии религии осуществил анализ концепций религиозного чувства в немецком идеализме и протестантской теологии XIX -начала XX века в их соотнесенности с рядом аналогичных философских теорий классиков религиоведения. Этапы этого генезиса, его формы и основные достижения описаны В.В. Золотухиным ясно и понятно для заинтересованного читателя.

Специально следует остановиться на следующих неординарных построениях диссидентанта. В.В. Золотухин убедительно доказывает преемственность между философией религии В. Де Ветте и Я. Фриза в концепции трех эстетических идей, на которые направлено религиозное чувство (*Begeisterung, Ergebens, Andacht*). В.В. Золотухин обращает внимание

на заимствование Ф.Бутервеком понятия “чувство истины” (Wahrheitsgefühl) у Я. Фриза. Оказывается, что Райшле вводит в 1889 году термин “Феноменология религии”, то есть всего через два года после введения этого понятия П.Д. Шантепи де ля Соссе. Из проведенного В.В.Золотухиным анализа напрашивается вывод о неразрывной связи и влиянии теологической психологии религии Г. Воббермина на феноменологию религии Р. Отто. Исследование религиозного сознания в теологической психологии В. Грюна очень напоминает методику сопряженных моторных реакций А.Р. Лурии.

Обратимся теперь к критическому разбору основных содержательных выводов В.В. Золотухина в рамках их сопоставления с уже существующими европейскими и отечественными научными традициями понимания генезиса религиоведения, его концептуальной природы и соотнесенности с теологией и философией. На наш взгляд, работа В.В. Золотухина находится в тренде докторских диссертаций молодых отечественных религиоведов. По целям и замыслу я сравнил бы ее с исследованиями Т.С. Самариной и В.С. Раздъяконова. Все они связаны не в последнюю очередь с попытками создания новой концепции генезиса религиоведения, в рамках которой происходит размытие научного статуса дисциплины науки о религии и стираются границы между научным знанием о религии и знанием философским, теологическим или даже оккультным.

В.В. Золотухин формулирует задачу исследования в качестве введения генезиса религиоведения в теологический контекст, смягчения противоречий между теологией и религиоведением. Конечно, он далек от идеи феноменологов религии сконструировать христианское религиоведение, но утверждает, что все многообразие религиоведческих дисциплин возникает благодаря проекту религиозного чувства в немецком идеализме и в либеральной протестантской теологии. Тем самым диссертант пересматривает наиболее известные отечественные и зарубежные традиции описания генезиса религиоведения. Упомяну лишь истории религиоведения А.Н. Красникова, Ж. Ваарденбурга, Х. Цинсера, В. Гантке.

Бросается в глаза уязвимость методологии исследования В.В. Золотухина. Реконструировать становление науки о религии в Германии, Голландии, Великобритании невозможно, на наш взгляд, без учета современного состояния базовых религиоведческих дисциплин. Это тоже самое, что редуцировать современное естествознание к механике И. Ньютона, рассматривая ее в единстве с теологическими трактатами великого физика. М. Мюллер и К. Тиле, конечно, классики религиоведения, но в силу прогресса любой гуманитарной дисциплины (речь не идет о философии и теологии) они воспринимаются современными религиоведами как позапрошлые религиоведения. В 2000 году немецкий религиовед, профессор Марбургского университета М. Краатц писал, что даже Р. Отто

имеет только историческое значение для современного немецкого религиоведения. Кроме того, соединив, по В. Дильтею, трансцендентализм с психологизмом, Ф. Шлейермахер, безусловно, создал условия для возникновения науки о религии. Но из всех направлений современного религиоведения (назовем хотя бы лингврелигиоведение, историю религий) “религиоведение” Ф. Шлейермахера в качестве концептуализации универсального религиозного чувства является наиболее спорным и относится современными религиоведами к сфере философии религии, то есть находится за границами религиоведения. Странно было бы говорить сегодня о философско-теологическом проекте религиоведения у Ф. Шлейермахера как об образцовой религиоведческой модели исследования. Замечу, что отечественной науке о религии давно пора отказаться от “горба” философии религии и позволить культурологически-эмпириическим дисциплинам проводить конкретные исследования конкретных религиозных традиций вместо того, чтобы бесконечно углубляться в методологию религиоведения и ее философскую или теологическую фундированность. Теолог интерпретирует керигму. Религиовед изучает конкретную религию всеми имеющимися у современной гуманитарной науки средствами. С этой точки зрения было бы интересно реконструировать интерпретации христианской керигмы в либеральной протестантской теологии и написать новую “Историю протестантской теологии в XIX веке”, как это сделал К. Барт, или “Историю проблем евангелической теологии в Германии”, как это осуществил В. Панненберг. Это был бы конкретный вклад в историю протестантской теологии, в теологию как таковую.

Размытость дисциплинарных научных рамок нарушает логику построения конкретного научного знания и приводит к пересозданию истории возникновения нововременного гуманитарного знания. Это находит свое отражение в положениях, выносимых на защиту. Первое положение (с.27) кажется нам тривиальным. Что такое аффективное отношение к Богу? Речь идет в диссертации о языке психологии? Тогда это теория эмоций. Или – это язык философии религии? Тогда предполагается дополнительное, интуитивное, экзистенциальное познание. Второе положение, на наш взгляд, спорно. Ф. Шлейермахер, Я. Фриз, В. Де Ветте не были в строгом смысле психологами религии. Это философско-теологически-феноменологический дискурс. Спорным также представляется пятое положение. Не думаю, что востоковеды и филологи согласятся с тем, что они “обогащали” интерес теологов к описанию религиозного чувства. Из философии религии М. Мюллера никак не следует, не вытекает и не может быть обоснована его генеалогическая классификация религий, основанная на открытии родства языков, а не на чувстве бесконечного. Этимологии Jovis нет никакого дела до эмпатии М. Мюллера. Она совершенно объективна.

На 24 с. В.В. Золотухин пишет: “Религиоведение становится звеном, опосредующим эмпирическое поле, с одной стороны, и богословскую рефлексию, с другой”. На наш взгляд, это очень спорное и радикальное утверждение. Его обоснование предполагало бы, например, в области истории религий пересмотр генезиса исторической науки во 2-ой половине XIX века в трудах И. Драйзена, Т. Моммзена, Э. Трельча. Складывается впечатление, что религиоведение в понимании В.В. Золотухина – это исключительно психология религии и востоковедение.

Также не могу согласиться с утверждением на 27 с. о том, что “В конце XIX - нач. XX века в немецкоязычном пространстве психологию религии разрабатывали почти исключительно теологи”. Традиция психологии религии называет имя В. Вундта, который не был теологом.

Остановимся на анализе проблематики философии религии в немецком идеализме у В.В. Золотухина. Во-первых, нам не кажется удачным введение термина “религиозный сентиментализм”. Он предполагает основополагающий аспект религиозности в чувстве. Нам видится в этом понятии смешение философского утверждения и религиозной практики. Во-вторых, непонятно, почему моральная религия у И. Канта (с. 52) лишена отношения к трансцендентному. Разве моральный закон – это не трансцендентное в человеке? В-третьих, И. Фихте важен для философии чувства не спором об атеизме, и даже не философией религии, а концепцией *That handlung*, в которой впервые получает философское обоснование субъективность, творящая мир. В-четвертых, на с. 61 В.В. Золотухин отмечает: “Форберг и Фихте доводят до логического завершения не только кантовский акцент на морали, но и делают акцент на аффективном ценностном компоненте, без которого следование категорическому императиву невозможно”. Остается непонятным, почему нельзя следовать категорическому императиву без аффективного ценностного компонента, и что это за компонент. В-пятых, анализ философии религии Ф. Шлейермахера на сс. 87, 88, 89, 90 не является оригинальным. Генезис религиозного сознания у Ф. Шлейермахера, включающий в себя концепцию непосредственного самосознания, чувство свободы и абсолютной зависимости, был ранее осуществлен Е. Морозовой. В-шестых, частое использование таких терминов, как пантеизм или теизм, скорее, скрывает проблему, чем проясняет ее. Мало общего в пантеизме Спинозы, Шеллинга и Шлейермахера.

Утверждение В.В. Золотухина на 98 с., что свою фразу “кто знает одну (религию), тот не знает ни одной” Мюллер заимствует у Шлейермахера, является ошибочным. Религиовед перефразирует слова Гете о том, что тот, кто знает один язык, не знает ни одного.

Хотелось бы сказать два слова о восприятии В.В. Золотухиным религиоведения Р. Отто. Конечно, религиовед. То есть, например, индолог. Но если обращаться к

“Священному” Отто, то это, безусловно, “этап рокового развития немецкого религиоведения” Б. Гладигов, “теологическая экспансия в религиоведение” А.Н. Красников. По всей видимости, в настоящее время объектом теологической экспансии становится российское религиоведение.

На 146 с. В.В. Золотухин представляет теолога Ф. Толюка в качестве пионера религиоведческого изучения мистицизма. Но, очевидно, что понимание мистицизма у Толюка философское, а не религиоведческое. История религиоведения давно утвердила имена и работы классиков компаративистского исследования мистики. Это “Молитва” Ф. Хайлера, “Мистика Востока и Запада” Р. Отто. В психологии религии – это У. Джеймс с его “Многообразием религиозного опыта”.

На 157 с. диссертант обстоятельно анализирует философские взгляды Мюллера, определяя его в качестве кантианца. Хочется заметить, что, например, С. Токарев был марксистом, а Е. Торчинов – юнгианцем. Но они вошли в европейское религиоведение как историки религии, а не как классики марксизма или психоанализа.

Обратимся к итоговому выводу В.В. Золотухина. На 246 с. он утверждает: “Теология и религиоведение соединены глубокой диалектической взаимосвязью, разорвать которую не удавалось ни историкам и психологам религии первых поколений, ни феноменологам религии ...”. На наш взгляд, это верно лишь в отношении небольшого исторического периода генезиса религиоведения и только некоторых его форм. Речь идет исключительно о “религиоведении” шлейермахеровского типа и ее наследнице – классической феноменологии религии. В противоположность им нововременная гуманитарная наука выносит за скобки трансцендентное в качестве априорной предпосылки собственной деятельности. Эта наука передает онтологию и эпистемологию религиозного чувства в руки философии религии и теологии.

Основные результаты диссертации опубликованы в 23 научных работах, в том числе в 17 научных статьях в рецензируемых журналах, включенных ВАК в перечень ведущих периодических изданий. Результаты диссертационного исследования прошли апробацию на нескольких конференциях и научных семинарах. Опубликованные работы достаточно полно отражают основное содержание диссертации.

Диссертационное исследование Всеволода Валерьевича Золотухина по теме: “Немецкоязычные учения XIX века о религиозном чувстве в контексте размежевания протестантской теологии и религиоведения” соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», предъявляемым к подобного рода работам, а его автор заслуживает присуждения ученой степени доктора

теологии по научной специальности 5.11.2 – Историческая теология (протестантизм).
Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не установлены.

профессор кафедры истории религий

Учебно-научного центра изучения религий

ФГБОУ ВО «РГГУ»

доктор философских наук, доцент

28.09.2023

М.А. Пылаев

Первый проректор-
проректор по научной работе

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»,

Учебно-научный центр изучения религий,

кафедра истории религий

125047 Москва, Миусская пл., 6

Тел. 8-495-250-63-40

E-mail: religion.rggu@gmail.com

<http://www.rsuh.ru>